

№ 44

1873

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 5 ноября 1873 года.

Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ: I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р., съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 р. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбургъ 4 р. 50 к. Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к. III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к. НА ПОЛГОДА: I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р., съ доставкой на домъ по городской почтѣ 2 р. 50 к. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ 2 р. 50 р. Въ Москвѣ съ доставкой 3 р. III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію 3 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874

Ввиду приближенія времени подписки на 1874 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ. 4 р.

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ 4 р. 50 к.

III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ . 5 р.

IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50*)

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марнсъ.

Благородная черта Бухарцевъ при встрѣчѣ съ туркестанскимъ отрядомъ въ степяхъ Средней Азій.

Въ исторіи русской еще не было столь труднаго похода, какъ нынѣшній хивинскій. Степныя огромныя пространства, раздѣляющія Россію отъ Хивы, служили всегда препятствіемъ — неодолимою преградой для сближенія съ нею. Надо замѣтить, что азіаты, хивинцы, бухарцы, туркмены, киргизы составляющіе народонаселеніе этихъ степей — какъ туземные жители — отъ рожденія привыкаютъ и къ палящему зною и къ солодковой водѣ, добываемой въ пескахъ, а зимою переносятъ стужу, холодъ и необыкновенные порывы вѣтровъ; они переходятъ тысячеверстное разстояніе черезъ эти степи на верблюдахъ караванами безпрепятственно, смѣло, — и, какъ опытные мореходцы по морю, такъ же спокойно совершаютъ это путешествіе, какъ мы привыкли ѣздить въ экипажахъ по плодотворной почвѣ между тѣсно населенными деревнями и городами, гдѣ всегда можно пріобрѣсть всѣ необходимыя и притомъ свѣжіе съѣстные припасы, нисколько

ко не затрудняясь въ отношеніи путей для своего проѣзда. Извѣстно, что хивинцы и бухарцы нѣсколько сотъ лѣтъ ведутъ съ Россією торговыя сношенія и пріѣзжаютъ въ наше отечество съ произведеніями своихъ странъ — преимущественно хлопкомъ, бумажными и шерстяными матеріями, коврами, халатами и фруктами ежегодно для распродажи ихъ въ Астрахани и въ киргизскихъ степяхъ на ханской ярмаркѣ, или на Нижегородской и въ Оренбургѣ. Тогда какъ для насъ по внутреннимъ въ Россіи пространствамъ примѣтами въ пути, кромѣ правильно-проложенныхъ торговыхъ дорогъ, служатъ для указанія поверстныя столбы, мосты чрезъ рѣки, сельскія пастбища, селенія и другіе знаки, — въ степяхъ, какъ это извѣстно, подобнаго вы ничего не найдете. Изъ краткихъ очерковъ путешествія, сообщаемыхъ въ „Русскій Инвалидъ“ и перепечатываемыхъ въ другихъ газетахъ, видно, до какой степени войска наши терпѣли во всемъ недоста-

токъ и лишенія; особенно было трудно туркестанскому отряду, у котораго взятые на дорогу съѣстные припасы истощились и необходимо было прибѣгнуть къ бухарцамъ, чрезъ владѣнія которыхъ ему нужно было переходить. Предусмотрительность и безкорыстная услуга, помощь въ доставленіи съѣстныхъ припасовъ, даже угощеніе и проводъ чиновниковъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась не одна тысяча русскаго войска подъ начальствомъ самаго туркестанскаго генералъ-губернатора, рѣдки и даже выше всѣхъ похвалъ. Легко представить, что бы могло случиться тогда, съ нашимъ отрядомъ, еслибъ бухарцы, отъ которыхъ мы недавно приобрѣли Самаркандъ,—вмѣсто той дружбы, привѣтнаго и радужнаго вниманія и гостепріимства, съ которыми они привѣтствовали русскихъ,—встрѣтили бы ихъ (пользуясь трудностью положенія вдали отъ Россіи, откуда нельзя ожидать никакой помощи) не гостепріимно, даже враждебно. Тогда, по всей вѣроятности, если не могло бы повториться несчастье, постигшее нѣкогда Бековича Черкаскаго при Петрѣ Великомъ, или случиться что либо непріятное, подобно тому какъ неудаченъ былъ походъ въ Хиву въ 1839 году изъ Оренбурга съ одинаковою же цѣлю,—то не минуемо, при совершенномъ истощеніи съѣстныхъ припасовъ, недостатокъ воды, неизвѣстности пути, при внезапныхъ неизбежныхъ нападеніяхъ отъ киргизовъ, хивинцевъ и бухарцевъ и при томъ въ такой глуши, могли ожидать насъ серьезныя опасности, которыхъ не могли предвидѣть при отправленіи войскъ. Великодушіе эмира бухарскаго простерлось до того, что чиновники его, доставившіе главнокомандующему полторы тысячи пудъ провіанта, отказались даже отъ слѣдующаго за это вознагражденія. Поступокъ этотъ показываетъ, что азіаты, которыхъ мы по обыкновенію привыкли считать невѣждами, фанатиками, полудикими,—одарены чувствами справедливости и благородства, которыя могутъ послужить образцомъ для образованныхъ, просвѣщенныхъ европейцевъ. Намъ могутъ возразить, что бухарцы не осмѣлились напасть на русскій отрядъ, въ степяхъ,—лишенный всякой помощи со стороны Россіи по причинѣ отдаленности,—изъ опасенія могущества русскаго оружія, изъ страха наказанія, которое могло постигнуть ихъ въслѣдствіи. Если это возраженіе и справедливо, то только отчасти. Напротивъ, они были руководимы въ этомъ нравственномъ подвигѣ долговѣчною народною признательностію къ русскимъ, желаніемъ упрочить миролюбивыя торговыя отношенія, воспоминаніемъ древнихъ всегда дружжелюбныхъ сношеній по торговлѣ съ Россією и благодарностію за свободное безпрепятственное отправленіе торговыхъ дѣлъ и пребываніе въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ, какъ пограничныхъ съ Бухарією, такъ и внутри Россіи въ Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ Оренбургѣ и иногда въ Москвѣ.

Упомянувъ о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ среднею Азією, должно замѣтить, что еще въ 1358 году, когда по порученію англійской въ Москвѣ компаніи, въ княженіе Іоанна Васильевича II, Бенкенсонъ былъ въ Бухарѣ, то онъ нашелъ, что еще слишкомъ за 500 лѣтъ предъ симъ тамъ было много русскихъ купцовъ, которые вели съ бухарцами торговлю, и кромѣ русскихъ встрѣтилъ тамъ производившихъ мѣновую торговлю персіянъ и индѣйцевъ. Затѣмъ, для укрѣпленія связей по торговлѣ съ Россією, въ слѣдующіе вѣка, Бухара (а также и Хива) отправляла въ Москву, въ царствованіе Бориса Годунова, посольства. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича даны были бухарскимъ купцамъ многія привилегіи, которыя распространены были и на индѣйскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Астраханью. Петръ Великій, имѣвшій, какъ извѣстно, въ виду необходимость прямого сообщенія Россіи съ Индостаномъ, постоянно желалъ, чрезъ под-

держку дружескихъ сношеній съ этою частью средней Азіи, достигнуть этой цѣли. Хотя смерть и не допустила его привести въ исполненіе этотъ планъ, однако русское правительство, озабочиваясь постоянно поддержкою торговыхъ сношеній съ тамошними ханами и въ особенности съ Бухарой, не могло упустить изъ виду этого и въслѣдствіи. Покореніе средней и малой киргизской орды въ 1734 году и устройство Оренбургской крѣпости въ 1742 г. представили Россіи удобный случай ближе подвинуться внутрь средней Азіи, для прохода нашихъ каравановъ, хотя частью и не безъ вреда, наносимаго среди степей отъ нападенія киргизовъ и разграбленія въ 1753 году большаго каравана въ самой Бухарѣ; не менѣе чувствительна была и для бухарцевъ потеря, которую потерпѣли они отъ разграбленія ихъ каравана въ 1762 году въ Оренбургской губерніи шайкой разбойниковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, въслѣдствіе чего было послано въ Россію бухарскимъ ханомъ посольство. Съ того времени, въслѣдъ одно за другимъ, по 1819 годъ было 11 посольствъ въ Россію, имѣвшихъ цѣлю исходатайствованіе нѣкоторыхъ льготъ и привилегій. Императрица Екатерина II, заботившаяся о поддержкѣ вышней азіатской торговли, также по примѣру Петра I обращала свои взоры на Бухару; для сближенія съ нею дружбы и торговыхъ связей она пожертвовала бухарскому хану 40,000 руб. ассиг.,—и на эту сумму, по желанію ея, построена главная мечеть и при пей мусульманская школа. Столь замѣчательные случаи въ исторіи торговыхъ и политическихъ сношеній Бухары и Россіи, и потомъ назначеніе повѣренными въ дѣлахъ при бухарскомъ дворѣ статскаго совѣтника Негри вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ, когда въ 1820 г. бухарское посольство представлялось Императору Александру I изявило желаніе видѣть и у себя въ Бухарѣ русское посольство,—все это, не смотря на чувствительную потерю въ прошлую войну, не могло изгладиться изъ памяти бухарцевъ,—и эти драгоцѣнныя по времени и обстоятельствамъ услуги бухарцевъ нашимъ войскамъ, застигнутымъ въ степяхъ голодомъ и безводіемъ, объясняются не столько опасеніемъ за могущественное отомщеніе русскими въ будущемъ, сколько въслѣдствіемъ признательности и уваженія Россіи, прежнихъ вѣковыхъ дружественныхъ торговыхъ и политическихъ сношеній,—и эта прекрасная черта въ характерѣ азіатовъ не должна оставаться въ безвѣстности. Поддержаніе дружественныхъ связей съ Бухарой необходимо будетъ и послѣ, особенно при трудныхъ предпріятіяхъ и видахъ на цивилизованное устройство въ принимаемыхъ подъ покровительство Россіи безплодныхъ, безводныхъ, малонаселенныхъ степяхъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ этотъ не можетъ и не долженъ оставаться въ забвеніи. Чтобы понять, какъ своевременна и какъ отрадна была эта услуга въ безчисленныхъ трудныхъ переградахъ на пути войска, принявшаго на себя великій подвигъ перейти безводное море песчаныхъ бугровъ,—какою она послужила подпорою ослабѣвавшимъ въ силахъ солдатамъ и лошадямъ, и сколько была утѣшительна, съ воскресеніемъ упавшаго духа, надежда благополучно достигнуть своей цѣли,—читателю необходимо представить себя на этомъ трудномъ поприщѣ. Настоящій хивинскій походъ, хотя онъ предпринятъ съ болѣе основательными и дальновидными мѣрами нежели въ 1839 году, не съ одного, а съ трехъ различныхъ пунктовъ,—можетъ быть сравненъ только съ походомъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго въ 1552 годъ въ Казань и (чрезъ годъ) полководца *Серебрянаго* подъ Астрахань,—но съ тою разницею, что походъ подъ Казань сопровождался меньшими преградами на пути, нежели въ отдаленную, по пустыннымъ тогда пространствамъ, Астрахань. Казань взята была, какъ извѣстно, съ большимъ урономъ и потерей

нашихъ войскъ,—и въ тотъ моментъ, когда при совершении литургіи діаконъ, въ присутствіи царя, съ амвона походной церкви провозгласилъ, читая Евангеліе: „и ины овцы имаю яже не суть отъ двора сего, и будетъ едино стадо и единъ пастырь“—взрывомъ, подведеннымъ подъ неприступную тогда крѣпость, совершилось навсегда паденіе сильнаго Казанскаго царства; татары же, населявшіе Астрахань, когда военачальникъ русскій подошелъ къ ней и требовалъ добровольной сдачи, вынесли, послѣ совѣщанія мурзъ и князей города, ключи отъ города безъ боя съ покорностію.

Замѣчательно, что какъ въ настоящее время войска наши шедшія въ Хиву, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего труднаго пути, по распоряженію военачальника, воздвигали укрѣпленія для прочнаго утвержденія русскаго вліянія, для огражденія отъ нападеній и удобства передвиженія и сообщенія, — такъ и царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, во время похода въ Казань, на рѣкѣ Сурѣ, гдѣ онъ останавливался для литья ядеръ, положилъ основаніе (какъ говоритъ преданіе) нынѣ существующему городу Ядрину, въ Казанской губерніи; а за 30 верстъ недоходя къ Казани, на устьѣ рѣки Свіяги, основалъ городъ Свіяжскъ; проходи же по Владимірской губерніи, по нынѣшнему Судогодскому уѣзду, ознаменовалъ свое побѣдное шествіе въ разныхъ мѣстахъ, въ память благопріятныхъ и несчастныхъ событий, случившихся съ нимъ въ пути, сооруженіемъ во имя Христа Спасителя (Спаса милостиваго) многихъ храмовъ. По преданіямъ, сохранившимся въ Судогодскомъ уѣздѣ, извѣстно, что

1) Тамъ гдѣ царь купался при устьѣ рѣки Судогды, впадающей въ Клязьму, заложена и потомъ отстроена церковь *Спасъ-купальниці*.

2) Гдѣ располагался лагерь и имѣлъ отдыхъ—построена церковь *Спасъ-бесѣды*.

3) Гдѣ царская конница подверглась болѣзни (чехмерю) — построена церковь *Спасъ-чехмерево*.

4) Гдѣ по недостатку сѣстныхъ запасовъ питался сыромъ (творогомъ) — сооруженъ храмъ *Спасъ-сырники*.

5) При рѣкѣ Тетрухѣ, гдѣ царь хотѣлъ построить городъ — воздвиглась церковь *Спасъ-городоулицы*.

6) На мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится село и гдѣ одно мѣсто сохраняетъ названіе *царская дорожка*, любимый царскій конь излѣченъ отъ желѣзъ и построена въ память этого случая церковь *Спасъ-желѣзино*.

Приводи эти свидѣтельства древности въ параллель съ трудностями нынѣшняго хивинскаго похода, мы желаемъ провести нѣкоторую нравственно-политическую связь прежнихъ и настоящихъ событий. Какъ царь Іоаннъ Грозный стремится къ объединенію Россіи съ магометанскими народами, такъ преемственно (какъ видно изъ предвидущаго) устремляли свои взоры на этотъ предметъ и послѣдующіе цари. И замѣчательно, что къ достиженію этой цѣли стремится не одна Россія, но и другія христіанскія державы, насколько представляется къ тому поводовъ и случаевъ. И потому, если трудности настоящаго похода, съ цѣлю занятія непроходимыхъ малонаселенныхъ пространствъ, не могутъ привести выгоды Россіи и окупить значительныхъ издержекъ,—то, съ другой стороны, сообразная тѣсное ближайшее соприкосновеніе Россіи съ среднею Азіею, въ какое поставлено наше отечество природою, мы можемъ утѣшать себя пока надеждою, что настоящій трудный подвигъ перехода русскихъ войскъ, съ трехъ различныхъ пунктовъ, тысячеверстнаго пространства, можетъ положить вѣрную и прочную основу для послѣдующей административной политической дѣятельности, для послѣдующей неизбѣжной связи и общенія народовъ Азіи съ Европою. Къ этой цѣли стремились Петръ I, къ тому же стремится и настоящая Россія.

Что же касается до значенія благороднаго поступка бухарцевъ въ отношеніи нашихъ войскъ, то въ

немъ нельзя не предвидѣть зари, предвѣщающей мирный и благотворный исходъ дѣлъ Россіи по случаю настоящаго труднаго похода; самый же вѣрный посредникъ, безпристрастный путеводитель и проводникъ жизни русской въ центрѣ средней Азіи — это торговля. Бухара гораздо выше стоитъ въ понятіяхъ, нежели Хива, — значительно образованнѣе ея и общительнѣе. Татары, живущіе въ Россіи въ разныхъ губерніяхъ, отдають ей преимущество въ этомъ отношеніи предъ другими азіатскими городами,—и получившіе образованіе въ бухарскихъ высшихъ школахъ, окончившіе курсъ предварительно въ здѣшнихъ медресахъ, съ поступленіемъ въ духовное званіе магометанскаго закона, считаются во мнѣніи нашихъ русскихъ татаръ самыми лучшими просвѣщенными мѣллами. Бухарцы любятъ и уважаютъ Россію—не только по видамъ торговли, но и по влеченію чувствъ. Въ дѣлахъ средней Азіи, для Россіи они могутъ быть самыми благонадѣжными помощниками. Съ нашей же стороны необходимо благоразумное вниманіе, довѣріе и открытое радушіе. Въ столицѣ Бухары до 70,000 жителей. Устройство города превосходитъ во многомъ Хиву, и архитектура нѣкоторыхъ зданій соотвѣтствуетъ архитектурѣ Востока, Египта и Марокко.

Вообще Бухарцы по образованію, въ сравненіи съ Хивинцами, стоятъ выше; они употребляютъ въ разговорѣ и письменности персидскій языкъ, и имѣютъ на немъ свои литературныя произведенія, повѣсти и сказки; лучшіе персидскіе поэты Гафизъ и Саади служатъ въ этомъ случаѣ имъ образцами. Но при всемъ томъ какъ письменный, такъ и разговорный языкъ не отличается чистотою, правильностію, благозвучностію и совершенствомъ, подобно персидскому. Усвоивалъ себѣ въ умственномъ отношеніи подражаніе Персіи, Бухарцы въ знаніи ремеслъ и понятіяхъ искусствъ заимствуютъ образцы въ первомъ случаѣ отъ русскихъ, а во второмъ отъ странъ восточныхъ, въ которыхъ вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ искусства развитъ въ болѣе совершенствѣ, нежели въ средней Азіи.—Работы ремесленническія у нихъ въ большемъ ходу, но на видъ грубы и даже непрочны,—нѣкоторыя издѣлія, по недостатку и некрасивости своихъ, привозятся изъ Россіи, съ Нижегородской Ярмарки и изъ Оренбурга; въ усовершенствованіи же себя въ этомъ родѣ занятій они остаются неподвижны, хотя и сознаютъ недостатокъ въ улучшеніи. Ремесленныхъ училищъ у нихъ еще нѣтъ, и потому токари, столяры, портные, кузнецы, сапожники, кирпичнаго дѣла мастера, плотники, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, часовщики и ювелиры, мѣдники, переплетчики, мѣховщики и вышивальщицы золотомъ и шелками на сукнѣ или бархатѣ, а также на индейской парчѣ (кимхабѣ) и на шелковыхъ матеріяхъ, во всѣхъ этихъ ремеслахъ и искусствахъ и нѣкоторыхъ другихъ, при большемъ спросѣ по значительному количеству народонаселенія, просто соображаются со вкусомъ, потребностію и народными обычаями своей страны; тѣ же Бухарцы которые бывали и жили въ Россіи—предпочитають имѣть у себя нѣкоторыя, какъ напримѣръ желѣзные, мѣдныя, столярныя (особенно сундуки) сапожныя, часы и другія издѣлія — русскія.

Бухара живетъ уставомъ и правилами корана—и въ самой жизни и обыкновѣніяхъ, чтобы не преступить повелѣній своего нравственнаго закона, старается не выходить изъ рамки, въ которую замкнута неизмѣнными вѣковыми обычаями. Если Императрица Екатерина II пожертвовала Бухарскому Хану 40,000 рублей на возведеніе мусульманской школы, то конечно имѣла въ виду разширить образованность Бухарцевъ; — можетъ быть не далеко и то время, когда они сознають потребностъ — имѣть у себя и такое высшее училище, въ которомъ бы обучались на равнѣ съ ихъ

юношами и русские. Ожидать скорѣйшаго исполненія такого училища или даже университета—желательно бы было какъ для пользы Бухарцевъ, наклонныхъ по умственнымъ ихъ стремленіямъ къ высшему образованію,—которое по мѣстному сближенію съ границами Россіи могло-бы имъ способствовать къ миролюбивымъ отношеніямъ и уяснить имъ происходящія отъ того для нихъ самихъ выгоды,—такъ съ другой стороны и для Россіи необходимо имѣть такихъ образованныхъ людей, которые, съ юныхъ лѣтъ въ тѣсномъ сближеніи съ Азіятами, но подѣ надзоромъ своего русскаго начальства, изучивши азіятскіе нравы, религію, быть домашній,—въ состояніи были бы, зная основательно Азію, быть точными исполнителями предпріятій Россіи, такъ далеко углубившейся въ центръ ср. Азіи и нуждающейся въ специалистахъ по этой части. При содѣйствіи восточнаго языковѣдѣнія, отечество наше можетъ не только прочно и безпрепятственно поддерживать постоянно свое вліяніе на Туркменовъ и Хивинцевъ, но и воспользоваться быстрыми успѣхами въ распространеніи своей политики и торговли въ отдаленныя страны.

Бухара и въ нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше, нежели другія восточныя близкія къ ней ханства. Это доказано ею въ настоящемъ походѣ русскихъ въ Хиву; она доказала уваженіе, любовь и преданность къ Россіи, и при Петрѣ великомъ: Въ 1717 году, когда Князь Бековичъ Черкасскій, отправленный посланникомъ въ Хиву съ значительнымъ отрядомъ солдатъ русскихъ и шведскихъ плѣнныхъ, съ мирными предложеніями Хану Ширгари, по совершеніи этого труднаго пути, достигъ города Ургенча, лежащаго подѣ 77° Сѣв. шир. и 41° Вос. долготы, къ Югу отъ Аральскаго моря, во 100 верстахъ отъ Хивы, то вдругъ увидѣлъ себя по среди 24,000 войска Хивинцевъ, Туркменовъ и Киргизовъ. Сильный отпоръ и смѣлыя рѣшительныя сшибки, продолжавшіяся трое сутокъ, одержали наконецъ верхъ надъ непріателемъ; войско его разсѣялось, и Ханъ, бѣжавшій съ поля сраженія, считалъ себя побѣжденнымъ, и ожидалъ торжественнаго вступленія въ Хиву русскихъ войскъ. Но дѣло приняло противный, несчастный для насъ оборотъ. Хивинскій Ханъ, по совѣту одного приближеннаго къ себѣ хитраго сарта — казначея Досимъ - Бая, укорявшаго въ слабодушіи, принялъ намѣреніе завлечь къ себѣ въ станъ князя Бековича для переговоровъ о мирѣ — и достигъ этого слѣдующимъ образомъ. Съ значкомъ въ рукахъ являются нѣсколько посланныхъ отъ Хана въ лагерь русскаго военачальника, съ объявленіемъ, что «онъ раскаявается въ своихъ нападеніяхъ, и дѣлалъ ихъ только потому, что не зналъ цѣли прибытія русскихъ войскъ. но теперь, какъ увѣдомилъ его Калмыцкій Ханъ Аюка изъ степей Астрахаскихъ, сей князь Вековичъ Черкасскій отправленъ въ Хиву не для завоеваній а въ качествѣ посланника, то онъ желаетъ принять его съ честію, и для этого намѣренъ, съ должнымъ уваженіемъ къ его званію, прислать къ нему отъ своего народа избранныхъ людей.»

Между тѣмъ Бековичъ, не могшій повѣрить искренности словъ этихъ потому, что, за годъ еще прежде, изъ отправленныхъ имъ изъ Астрахани къ Хану трехъ передовыхъ вѣстовиковъ (*) съ извѣстіемъ о назначеніи своемъ, ни одинъ не возвратился и они по всей вѣроятности были задержаны Ханомъ, чтобъ скрыть приготовленія къ войнѣ,—отказывался вступать въ переговоры съ явившихся къ нему въ лагерь повѣренными отъ Хана, подозрѣвая въ нихъ хитрость и обманъ. Того же мнѣнія были русскіе и нѣмецкіе офицеры... На

совѣтъ ихъ положено было отказать посланнымъ. Однако Ханъ, подстрекаемый своимъ придворнымъ казначеемъ, не прекращалъ своего намѣренія—и посланные отъ него одинъ за другимъ снова являлись къ Бековичу. Въ это самое трудное время Бековичъ получаетъ неожиданно печальную вѣсть о смерти нѣжно-любимой имъ жены. Онъ упалъ духомъ — и въ нерѣшимости уступилъ завѣреніямъ своего друга Саманова, который представлялъ ему, что лучше принять посольства и вступить въ переговоры, нежели полагаться на силу оружія,—что подозрѣніе въ хитрости Хана можетъ быть и ошибочно. Князь Бековичъ согласился. Послы были приняты; четыре дня длились переговоры. Изъ словъ посланныхъ повидимому видно было, что Ханъ желаетъ мира. Рѣшено, чтобы Князь Бековичъ отправился въ ставку Хана съ 500 вооруженныхъ солдатъ,—и въ предупрежденіе сомнѣнія или опасенія въ невѣрности послѣдствій заключено было подтвердить истину обязательства съ той и другой стороны принятіемъ присяги. Наконецъ Князь Бековичъ, препоручивъ команду надъ войскомъ въ лагерьъ майору Франкенбергу, отправился съ однимъ офицеромъ и съ 500 воиновъ въ ставку Хана, которая была отъ лагеря хотя не въ дальнемъ разстояніи, но и не въ виду. Измѣна и предательство были подготовлены уже заблаговременно: Бековича внезапно арестовали; многочисленность войска хивинскаго, окружившаго со всѣхъ сторонъ пятисотенный отрядъ, при всемъ мужествѣ сопротивленія, одержала верхъ; одни были изрублены, а другіе взяты въ неволю. Но этого недостаточно. Князь Бековичъ, подѣ угрозою смерти, писалъ невольныя приказы въ лагерь къ оставленному имъ вмѣсто себя командиру, чтобъ онъ, раздѣливъ остатки войска на части, вступилъ на приготовленныя, по указанію Хана, квартиры. Майоръ Франкенбергъ, появивши въ чемъ дѣло, на два приказа рѣшительно отказался исполнить волю начальника, на 3-й отвѣчалъ: Я буду готовъ повиноваться, когда услышу приказъ изъ устъ его, а теперь пусть извинитъ. Въ 4-мъ приказѣ написано было, что Майоръ Франкенбергъ будетъ судимъ какъ ослушникъ по законамъ за неповиновеніе начальству, ежели въ ту же минуту, какъ получить приказъ, не раздѣлитъ войска по частямъ и не вступитъ на квартиры. Майоръ потерялъ присутствіе духа, смутился, но повиновался. Послѣдствіемъ буквально исполненнаго приказанія невольника командира остались слѣдующія мрачныя картины въ исторіи исполненныхъ подвиговъ Петра великаго. Раздѣленные по квартирамъ солдаты были послѣдовательно окружены и изрублены, другіе остались въ плѣну, Бековичу отсѣкли голову, а друга его опрометчиваго Саманова изрубили въ куски*). Петръ I-й, занятый дѣлами противъ Шведовъ, не успѣлъ при жизни отомстить за нарушеніе правъ посольства—и до самой смерти, лелѣя мысль о сближеніи Россіи съ Индіею, не могъ забыть этого несчастія.

Хивинскій Ханъ безчеловѣчнымъ поступкомъ этимъ мечталъ заслужить себѣ отъ всѣхъ другихъ Хановъ и въ особенности отъ Бухарскаго Хана почетъ и уваженіе; извѣщая чрезъ нарочное посольство Бухарскаго Хана, что знаменитый посланникъ великаго императора Россіи убитъ, а войско его частью изрублено частью взято въ плѣнъ, онъ посылаетъ въ доказательство и голову посланника. Благородныя чувства бухарской націи и преданность къ Россіи отразились въ слѣдующемъ достойномъ вниманіи отвѣтъ ея властителя. Бухарскій Ханъ, предувѣдомленный еще прежде прибытія хивинскаго посланника о несчастной участи Русскихъ, не допустилъ къ себѣ посланнаго, а велѣлъ ему ска-

(*) Чрезъ посланнаго въ первый разъ въ Хиву Грека Кирчака, и во 2-й разъ дворянина Ивана Воронина и потомъ въ 3-й разъ одного имя котораго неизвѣстно, Князь Бековичъ ходатайствовалъ у Хана объ огражденіи его во время похода отъ нападеній Киргизъ Кайсаковъ.

*) Сообщаемыя здѣсь свидѣтельства основаны на изустныхъ показаніяхъ самихъ Хивинцевъ. Они согласны и съ историческими описаніями этого похода.

зять, чтобъ онъ присланную голову возвратилъ своему Хану и спросилъ бы его: не звѣрь ли онъ кровожадный?—а что онъ (ханъ Бухарскій) съ своей стороны

не причастенъ этому безчеловѣчному поступку ни душой ни сердцемъ. *)

М. Михайловъ

РУССКАЯ ПЕЧЬ - БАНЯ.

«Деревня — лѣтомъ рай».

Оно пожалуй что лѣтомъ деревня представляетъ довольно много заманчивыхъ элементовъ. Хотя наше суровое отечество (особенно вся средняя полоса) на райскіе уголки и не очень то щедро, но горожанину не мѣшаетъ, съ гигиенической точки зрѣнія, выбираться за городъ хотя на время нашего короткаго лѣта. Но только лѣта, только лѣта! Тогда, когда сама природа разсыпаетъ вокругъ тебя всякіе благотворные, цѣлебные дары, теплоту, хорошій воздухъ, удобныя купанья въ проточной водѣ рѣкъ, и т. д. и т. д. Но едва только начинается приближаться осень, едва только вы замѣчаете желтые и красные листья на деревьяхъ, эту сѣдину лѣсовъ,—едва только вы начинаете ощущать сырость осеннихъ вѣтровъ и едва только почувствуете потребность чаще и чаще прятаться подъ крышу деревенскихъ жилищъ,—бросайте поскорѣе всѣ эти воспѣтыя поэтами прелести и возвращайтесь въ города, въ тѣ города, гдѣ, по словамъ тѣхъ же поэтовъ, «и мрачно и сыро, и скучно» и лица всѣ желтыя, изможденные и солнца не видать изъ-за громадныхъ, мрачныхъ стѣнъ, закопченныхъ фабричными трубами. А вы все-таки бѣгите въ эти города—и повѣрьте не будете въ проигрышѣ.

Тѣ, что говорятъ о необыкновенно хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ деревенской жизни (я опять таки говорю про наше дорогое отечество), навѣрно, вовсе не знаютъ деревенскаго быта. Если такой реальный поэтъ какъ Некрасовъ могъ посылать «милыхъ дѣтей» въ деревню зимою *), то прочимъ да проститъ Аллахъ ихъ невѣденіе!

Гигиеническія условія деревенской жизни, выработанныя нашей убогой сельской цивилизаціей, проявляются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, если мы взглянемъ на ужасающіе столбцы смертности въ деревняхъ, особенно между дѣтьми; статистика дастъ намъ самые неутѣшительные результаты.

Недалеко еще то время, когда «бѣлыя избы» (то есть тѣ, у которыхъ были дымопроводныя трубы) считались болѣе чѣмъ роскошью въ крестьянскомъ быту и составляли одно изъ самыхъ рѣдкихъ явленій. Всѣ же остальные топились и согрѣвались самымъ допотопнымъ способомъ. Прямо изъ широкаго жерла такъ-называемой русской печи, гдѣ едва разгорѣлись сырыя дрова, валилъ густой, черный дымъ и расплзался по избѣ, занимая сначала всѣ верхніе слои, а потомъ мало по малу спускаясь до самаго пола. Даже самые привычные горла и глаза не могли выносить этой атмосферы, все населеніе сползало внизъ, спасаясь отъ дыма и располагаясь въ повалку на полу, сыромъ, мокрымъ, пропитанномъ навозомъ и грязью. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ долженъ быть полъ той избы, гдѣ въ тѣсномъ пространствѣ, не болѣе четырехъ квадратныхъ сажень, скучены и люди и всевозможныя домашнія животныя, телята, барашки, поросята и всякая птица.

Однако, надо же наконецъ избавиться отъ дыма, даже печь гложетъ отъ недостатка свѣжаго воздуха. Настежь отворяютъ двери, оттыкаютъ дымовыя отдушники въ потолокъ. Холодный, морозный воздухъ, врывается въ избу

прогваливается по низу и охватываетъ все живое, что только расположилось на полу... Дѣти дрожатъ, скачутъ и ежятся подъ дырявыми, отцовскими полушубками и съ нетерпѣніемъ ждутъ той минуты, когда, хотя скольконибудь, схлынетъ ѣдкій дымъ и можно будетъ снова забраться на горячую печь, на вонючія, населенныя міриадами паразитовъ палаты. И такъ ежедневно, неизбѣжное кочеваніе изъ удушливаго дымнаго жара въ пронизывающій насквозь холодъ и обратно... Милые контрасты, необыкновенно благотворно дѣйствующіе на наши дыхательные органы! Если вы добавите къ эту самую скудную непитательную пищу: дурной сорный хлѣбъ, жидкій квасъ, производящій рѣзь въ непривычномъ желудкѣ, прокислое молоко, разбавленное водою, и полное отсутствіе мяса, составляющаго роскошь, допускаемую только въ годовые праздники,—вы поймете хорошо причины страшнаго процента смертности деревенскаго населенія.

Какъ ни привыкли крестьянинъ и его семья къ грязи и нечистоплотности, но все-таки, впрочемъ болѣе по обычаю, у него является желаніе помыться и попариться въ банѣ. Регулярно каждую субботу производится эта церемонія.

Общихъ бань въ деревняхъ нѣтъ вовсе, потому... да потому же, почему у насъ до сихъ поръ не прививается ничего, что только поситъ общественный характеръ, особенно въ отношеніи имуществъ. Собственныхъ же бань заводятъ крестьяне, всякъ для себя, не могутъ; не по средствамъ. И вотъ устроивается домашняя баня-печка.

Когда послѣ обѣденной стряпни, печь настолько остынетъ, что можно въ нее забраться, не рискуя получить обжога, весь подъ печки устилается соломой и туда по очереди лѣзутъ всѣ члены семейства. Въ печномъ жару парятся раскраснѣвшіеся человѣческія тѣла, скоблятъ съ себя грязь, хлещутся вѣниками и натѣшившись до сыта, бѣгутъ прямо на дворъ, часто на снѣгъ, при двадцати градусномъ морозѣ, окачиваться.

Даже дѣти не избѣгаютъ этихъ невѣроятныхъ переходовъ и поднимаютъ ревъ и плачь на всю избу, присоединяя свои голоса къ реву и мычанію телятъ и барановъ.

Вотъ такая-то баня-печка представлена на нашемъ рисункѣ. Скромность художника не позволяла ему нарисовать всю сцену, во всей ея цинической обстановкѣ, и онъ ограничился только группой дѣтей и выглядывающихъ изъ печнаго жерла старухой.

Понятное дѣло, что въ южныхъ нашихъ полосахъ, гдѣ природа—мать, а не мачиха, гигиеническія условія сельской жизни складываются несравненно благоприятнѣе именно только потому, что тамъ человѣкъ болѣе время находится подъ вліяніемъ благотворной природы,

*) Говорятъ еще день, правда я не видалъ, чтобъ мѣсяцъ свой лучъ золотой показалъ.

*) Князь Бекевичъ, какъ одно изъ несомнѣнныхъ источниковъ, имѣлъ въ походѣ 1 эскадронъ шведскихъ драгунъ на лошадяхъ, 2 пѣхотныя роты, 3 артиллерійскихъ офицеровъ и служителей, съ пушками и амуницией, морскихъ и адмиралтейскихъ служителей, астраханскихъ русскихъ дворянъ и мурзъ татарскихъ изъ Астрахани, 500 человекъ Ногайскихъ татаръ, 500 человекъ Гребенскихъ Казаковъ, 500 человекъ Яицкихъ подъ командою Никиты Бородина, 200 человекъ съ товарами частію Русскихъ и частію татаръ и Бухарцевъ и нѣсколько человекъ лично заявившихъ ему о желаніи участвовать въ походѣ.

№ 18

1873

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 мая 1873 года.

Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже выпшедшіе въ 1873 году №№ „Нивы“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ . 4 р. — к. „ съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 „ — „	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газет- ную экспедицію. 5 р. 50 к.
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книж- ныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . . 4 „ 50 „ „ съ пересылкой на домъ чрезъ га- зетную экспедицію 5 „ 50 „	IV. Заграницею: Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб., въ Голландіи, Бельгіи, Ита- ліи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Аме- риканскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ покорнѣе просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—исключительно и прямо въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдующія подписныя деньги 5 р. 50 к. заблаговременно.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенія 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

50,000!...

Оригинальная шутка въ одномъ дѣйствіи.

Соч. П. Новикова.

(Окончаніе).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Владиміръ Андреевичъ, Иванъ Маркычъ и Фертовъ.

Фертовъ (къ Ивану Марковичу). А мнѣ бы нужно съ вами, Иванъ Маркычъ, поговорить о довольно серьезномъ дѣлѣ, безъ свидѣтелей... (глядя на Влад. Андр.).

Ив. Марк. Понимаю, понимаю... (серіозно) Володя, да что же, братецъ, ступай...

Влад. Андр. Вѣдь вы хотѣли обѣдать сегодня у моей маменьки?

Ив. Марк. (смѣясь). Вотъ выдумалъ! у насъ у самихъ сегодня обѣдъ... индѣйка будетъ съ устрицами... Ужъ ты сегодня одинъ съ ней пообѣдай... да ты не сердись Володя, я тебѣ сдѣлаю подарокъ, — хорошій, Володя, подарокъ! и денегъ дамъ... помогу тебѣ... Прощай!

Вл. Андр. Я не нуждаюсь въ деньгахъ, я живу трудомъ и не ищу помощи, помогите лучше какому нибудь промотавшемуся франту (уходя). Боже мой, не ожидалъ я такого несчастья!!

ЯВЛЕНІЕ X.

Фертовъ и Иванъ Маркычъ.

Фертовъ. Ахъ, чортъ возьми! не въ бровь, а прямо въ глазъ! Ну да ладно, онъ понялъ... Ха, ха, ха, вотъ такъ обдѣлалъ статейку: пришелъ, увидѣлъ, побѣдиль! Скажите пожалуйста, Иванъ Маркычъ, ужъ не женихъ ли это прелестной Вѣры Ивановны?

Ив. Марк. Какой онъ женихъ! знакомый, принимаю такъ, по бѣдности...

условіемъ, чтобы ты не бросала твои трудовые рубли на вѣтеръ.

МАТРЕНА Ахъ, батюшка, никогда не буду!.. Дай вамъ Богъ здоровье! (*дворникъ уходитъ*).

ИВ. МАРК. И мой поступокъ не лучше Матрены, и меня окаяннаго слѣдовало бы въ тюрьму.
(*Марья Васильевна и Вѣра Ивановна стоятъ въ задумчивости*).

ВЛАД. АНДР. Я увѣренъ, что этотъ урокъ послужитъ вамъ въ пользу, перестаньте горевать... Я первый протягиваю вамъ руку примиренія... вы добрые люди, это было ваше минутное увлеченіе... Вѣра Ивановна, я на васъ сердиться не долженъ... вы еще молоды, вы увлекаетесь невольно... дайте мнѣ вашу руку.

ВѢРА ИВ. Нѣтъ, я не достойна быть вашей женой, вы должны презирать меня, я поступила нечестно!

ВЛАД. АНДР. Клятва предъ алтаремъ смоетъ ваше заблужденіе.

ИВ. МАРК. Я болѣе всѣхъ виноватъ, я чуть не погубилъ свое семейство; да, я не заслуживаю прощенія!

МАРЬЯ ВАС. Я на тебя, Иванъ Маркычъ, сердиться не буду, но только съ условіемъ: даешь ли ты честное слово, никогда не брать въ лоттерей билеты?

ИВ. МАРК. Не говори мнѣ про эту лоттерей; другу недругу закажу брать билеты въ лоттерей...

ВЛАД. АНДР. Ну смотрите, съ этимъ условіемъ мы съ вами миримся...

МАРЬЯ ВАС. (*Матрени*) А ты не будешь брать въ лоттерей?

МАТРЕНА Не буду, матушка, не буду—не напоминай мнѣ про нее, (*плача*) пропали мои десять рубликовъ!

ИВ. МАРК. (*плача*) Пропали мои 300 рубликовъ... тую—тую!..

ӨЕД. ПОТ. А эвто что жъ за слезы на радостяхъ?

МАРЬЯ ВАС. (*весело*) И въ самомъ дѣлѣ, чего мы плачемъ! (*приплясывая*).

Ахъ ты Ваньчка, соколикъ мой,
Ахъ, красавецъ мой пригоженькой!...

ИВ. МАРК.

У меня-ль жена не ласкова,
Ахъ, она-ли не разумница!

ӨЕД. ПОТ. (*приплясывая*) Ай люли, люли, люлюшеньки! (*кружатся*) (*въ сторону*) Вотъ это по російскому!

ИВ. МАРК. Погодите, еще веселиться, друзья мои, здѣсь-то туча миновалась, а вотъ худо (*показывая на публику*) если отсюда-то будетъ пасмурно... Вѣрочка, замолви-ка здѣсь что нибудь... (*подводя ее къ рампѣ*).

ВѢРА ИВ.

Много шума, много спора
Мы надѣлали сейчасъ,
Но окончивъ миромъ ссору—
Ждемъ теперь суда отъ васъ!...
Хоть билетъ нашъ въ лоттерей—
Неудаченъ въ этотъ разъ,
Но признаться: мы хотѣли—
Только выиграть у васъ!!

Всѣ.

Но признаться: мы хотѣли
Только выиграть у васъ.

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Сейдъ Магометъ Худояръ-Ханъ Коканскій.

Въ настоящее время, когда вниманіе общества устремлено на совершающуюся экспедицію противъ Хивы, все касающееся Средней Азии пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ глазахъ публики. Поэтому мы не щадили никакихъ издержекъ для пріобрѣтенія матеріаловъ относительно этой страны, малоизвѣстной какъ древнему, такъ и новому міру. Предлагаемая читателямъ статья съ рисунками составляетъ лишь первое звѣно длиннаго ряда средне-азиатскихъ очерковъ, которые будутъ напечатаны на страницахъ «Нивы» въ теченіи нынѣшняго года.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государей въ Средней Азии настоящаго времени — есть безспорно Худояръ-ханъ Коканскій. Онъ замѣчателенъ, во первыхъ, судьбой своею, полною превратностей и тревогъ, а во вторыхъ, тѣмъ, что прекратилъ наконецъ смуты и безпорядки, которые волновали Коканское ханство при его предшественникахъ.

Ханствующій въ Коканѣ домъ происходитъ изъ каракиргизскаго рода; предокъ нынѣшняго хана былъ киргизъ Нарбута-бій. Надобно замѣтить, что главную массу населенія въ ханствѣ составляютъ *сарты*, т. е. народность, происшедшая отъ браковъ аборигеновъ страны: *таджиковъ* (народа арійскаго происхожденія и вполнѣ родственнаго съ персами) и пришельцевъ-завоевателей *узбековъ* (народа тюркскаго происхожденія). Сарты склонны къ мирной, осѣдлой жизни, торговлѣ, разнымъ промысламъ. Совершенною противоположностью съ ними составляютъ узбеки, воинственные и энергичные. Къ числу узбекскихъ

родовъ принадлежатъ, между прочимъ, также кипчаки и кара-киргизы (иначе: черные или дикокаменные киргизы), занявшіе долины Тянь-Шаня и частью Коканское ханство, въ его восточной части. Центръ кипчакскаго населенія въ Коканѣ есть городъ Андижанъ или Анджанъ. Неудивительно, что воинственные узбеки, поселившись въ Коканѣ, вскорѣ присвоили себѣ верховную власть — и каракиргизъ Нарбута-бій сдѣлался коканскимъ ханомъ.

Но преемники Нарбуты скоро утратили свои типическія, узбекскія особенности; окруженные сартами, сравнительно болѣе цивилизованными, они мало по-малу стали принимать нравы, образъ жизни, возрѣнія сартовъ и, конечно, отдавали имъ во многихъ случаяхъ предпочтеніе предъ своими единоплеменниками, узбеками. Послѣдніе, въ свою очередь, не уступали безъ борьбы первенствующей своей роли въ ханствѣ. Оттого вся исторія Кокана есть собственно исторія борьбы за гегемонію двухъ народностей: сартовской и узбекской. На сторонѣ первой стояли ханы, придавая тѣмъ сартовской партіи дѣйствительный вѣсъ и значеніе; вторая партія, узбекская или вѣрнѣе кипчакская — потому что въ послѣднее время видную роль въ этой партіи играли кипчаки — сильна была своими даровитыми и храбрыми представителями. Извѣстнѣйшими вождями, *батырями*, кипчаковъ въ послѣднее время были Мусульманъ-Куль и Алимъ-Куль.

Кипчакская партія въ Коканѣ поднялась и получила особое значеніе съ 1841 года, т. е. со времени завоеванія Кокана бухарскимъ эмиромъ Насыръ-Уллахомъ (Батыръ-ханъ). Кипчаки возстали противъ бухарцевъ, свергли

поставленныхъ эмиромъ въ Коканѣ и въ Ташкентѣ правителей и провозгласили ханомъ старика Ширъ-Алія. Конечно, подъ его именемъ управляли ханствомъ кипчаки. Когда сартовская партія снова начала брать перевѣсъ и во главѣ приближенныхъ къ хану всталъ нѣкто Шади,

убитаго Ширъ-Алія. Эта борьба между Мусульманъ-Куломъ и Мурадъ-ханомъ была первымъ событіемъ, въ которомъ Худояръ-ханъ является дѣйствующимъ лицомъ, хотя и вполне пассивнымъ.

Мурадъ-ханъ былъ разбитъ и бѣжалъ изъ Кокана, а

Сейдъ Магометъ Худояръ-Ханъ Коканскій. Рис. Дмитровичъ, грав. Крыжановскій.

сартъ родомъ, то кипчаки открытою силою возвратили себѣ первенство. Глава кипчаковъ, Мусульманъ-Куль двинулся съ войскомъ противъ хана, или вѣрнѣе противъ его перваго министра Шади и разбилъ ханскія войска. Шади былъ убитъ въ сраженіи—и его мѣсто занялъ Мусульманъ-Куль.

Мусульманъ-Куль не присвоилъ себѣ верховной власти, но всегда дѣйствовалъ или именемъ хана, или именемъ кого либо изъ ханскаго дома. Такъ, когда Ширъ-Али былъ убитъ и мятежники хотѣли провозгласить ханомъ Мурадъ-хана, Мусульманъ-Куль двинулся противъ нихъ, но при этомъ взялъ съ собою, въ отрядъ свой, 16-ти лѣтняго Худояра (нынѣшняго хана коканскаго), сына

Мусульманъ-Куль провозгласилъ Коканскимъ ханомъ Худояра. Конечно, дѣйствительною главою ханства остался по прежнему Мусульманъ-Куль. Это былъ временщикъ, въ полномъ значеніи этого слова. Положеніе, которое онъ занялъ при Худояръ-ханѣ, совершенно напоминаетъ положеніе Меншикова при Петрѣ II. Онъ держалъ молодаго хана почти взаперти, не давалъ ему денегъ, не позволялъ дѣлать никакихъ распоряженій.

Такъ продолжалось до самаго совершеннолѣтія Худояръ-хана, когда онъ началъ уже тяготиться опекою своего строгаго родственника, Мусульманъ-Кула. Не видя возможности избавиться отъ невыносимаго гнета, Худояръ-ханъ написалъ письмо ташкентскому правителю (беку)

Нуръ-Магомету, приглашая его подняться и освободить Коканъ отъ власти Мусульманъ-Кула.

Нуръ-Магометъ послушался призыва и двинулся съ войскомъ противъ Кокана. Мусульманъ-Куль, выступая противъ ташкентцевъ, взялъ съ собою и Худояръ-хана; но ночью Худояръ-ханъ тайно перешелъ на сторону враговъ.

Началась битва—и ташкентскій бекъ былъ разбитъ на голову; въ числѣ плѣнныхъ былъ также и Худояръ-ханъ. Но Мусульманъ-Куль не показалъ и тѣни неудовольствія на измѣну Худояра и по прежнему оставилъ его ханомъ.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, ханъ сдѣлалъ еще одну попытку избавиться отъ Мусульманъ-Кула: однажды, когда во дворцѣ хана былъ *той* (праздникъ), одинъ изъ гостей умышленно началъ ссору съ Мусульманъ-Куломъ и кинулся на него съ обнаженною саблею. Началась общая схватка; черезъ минуту въ городѣ загудѣла набатъ—и заговорщики, ждавшіе этого сигнала къ рѣзнѣ, бросились на живущихъ въ городѣ кипчаковъ. Много друзей и слугъ Мусульманъ-Кула погибло при этомъ, но онъ самъ успѣлъ отбиться отъ враговъ и спастись. Онъ на-скоро собралъ своихъ кипчаковъ и двинулся съ ними противъ хана. Произошла битва—и кипчаки были разбиты. Ханъ обѣщалъ простить всѣхъ виновныхъ, если они выдадутъ Мусульманъ-Кула,—и кипчаки не постыдились предать въ руки враговъ своего вождя. Но имъ не удалось купить этой цѣною свое помилованіе; захвативъ Мусульманъ-Кула, ханъ приказалъ «стереть съ лица земли всѣхъ кипчаковъ». Началась страшная рѣзня; кипчаковъ убивали повсюду: въ городахъ, деревняхъ, домахъ, на базарахъ; посылались особые отряды для ихъ истребленія. Самого Мусульманъ-Кула ханъ приказалъ казнить, но предварительно предъ его глазами казнили всѣхъ его родственниковъ и приверженцевъ.

Кипчакская партія была обезсилена претерпѣннымъ погромомъ; но кипчаки затаили месть и только ждали случая къ возстанію. Случай этотъ вскорѣ представился: волненіе началось на отдаленной окраинѣ Коканскаго ханства, между киргизами Аулие-атинскаго и Чекментскаго бекствъ, много терпѣвшихъ отъ несправедливостей и поборовъ своихъ правителей. Возмущившіеся избрали своимъ главою роднаго брата хана, Молля-хана. Къ нему же присоединились и озлобленные кипчаки, со своими бѣгами, изъ которыхъ особенно выдавался Алимъ-Куль (впослѣдствіи противникъ ген. Черняева). Въ битвѣ войско Худояръ-хана было разбито, и онъ самъ бѣжалъ въ Бухару. На престолѣ коканскій вступилъ Молля-ханъ, но дѣйствительнымъ правителемъ ханства сдѣлался энергичный кипчакскій бій Алимъ-Куль.

Мы не станемъ рассказывать событія въ Коканѣ послѣ бѣгства въ Бухару Худояръ-хана, такъ какъ имѣемъ въ виду изложить только его біографію. Но необходимо сказать, что это время было самое тяжелое для Кокана; честолюбивые бій кипчакскіе боролись между собою за первенство, а ханъ игралъ при этомъ совершенно пассивную роль. Черезъ 2 года послѣ своего вступленія на престолъ, Молля-ханъ былъ задушенъ заговорщиками, которые злобились на него за то, что онъ приблизилъ къ себѣ одного только Алимъ-Кула.

Ташкентъ, населенный исключительно одними сартами, конечно не могъ симпатизировать Кокану, гдѣ перевѣсъ снова взяли кипчаки; поэтому ташкентцы рѣшились совершенно отдѣлиться отъ Кокана и призвали къ себѣ изъ Бухары Худояръ-хана. Алимъ-Куль выступилъ съ войскомъ противъ Ташкента—и началась долговременная, па-

мятная всѣмъ коканцамъ, борьба Худояръ-хана съ Алимъ-Куломъ. Два года продолжалась эта борьба; успѣхъ попеременно склонялся то на одну, то на другую сторону. Сторону Алимъ-Кула приняли всѣ узбеки, а сторону Худояръ хана держали всѣ сарты. Во всемъ ханствѣ происходила борьба на жизнь и на смерть между двумя народностями—и много крови стоила Кокану эта борьба. Въ серединѣ второго года борьбы, Алимъ-Куль поставленъ былъ почти въ безвыходное положеніе: онъ былъ запертъ въ тѣснинѣ, при Кара-Кульджѣ, съ весьма небольшимъ отрядомъ. Но Алимъ-Куль успѣлъ таки отбиться и въ концѣ концовъ—одержалъ верхъ. Городъ Коканъ былъ взятъ Алимъ-Куломъ—и Худояръ-ханъ, видя невозможность бороться съ могущественнымъ и искуснымъ противникомъ, вторично бѣжалъ въ Бухару. Алимъ-Куль провозгласилъ коканскимъ ханомъ Султанъ-Сеята (сынъ убитаго Молля-хана); но дѣйствительнымъ регентомъ ханства сдѣлался бій Алимъ-Куль.

Въ это время Коканскому ханству грозила новая, неожиданная опасность, русскіе подвигались въ глубь Средней Азіи двумя отрядами: со стороны Вѣрнаго отрядомъ полковника (нынѣ генер.-маіора) М. Г. Черняева взяты были города: Аулие-ата и Чекментъ, а со стороны Сыръ-Дарьи отрядомъ полковника Веревкина взятъ городъ Азретъ или Туркестанъ. Оба соединенные отряда стали угрожать Ташкенту. Алимъ-Куль бросился на встрѣчу русскимъ, нѣсколько разъ вступалъ въ битву и оспаривалъ каждый шагъ своей земли. Неожиданная смерть Алимъ-Кула положила конецъ этой упорной защитѣ. Алимъ-Куль былъ убитъ въ сраженіи съ отрядомъ ген.-маіора Черняева, подъ Ташкентомъ.

Еще до смерти Алимъ-Кула, Худояръ-ханъ получилъ отъ всѣхъ партій въ Коканѣ единодушное приглашеніе вступить снова на ханскій престолъ. Господство Алимъ-Кула было слишкомъ тягостно для страны, а жестокость его возбудила къ нему общую ненависть. Говорятъ, что однихъ высшихъ чиновниковъ (сипаевъ) было казнено до 4 тысячъ человекъ. Алимъ-Куль хотѣлъ господствовать терроромъ. Смерть его помогла Худояръ-хану въ третій разъ достигнуть престола—и на этотъ разъ уже безъ кровопролитія.

Худояръ-ханъ дѣйствительно внесъ миръ въ утомленную и разоренную смутами страну. Онъ примирилъ всѣ партіи, вступилъ въ дружескія сношенія съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, разрѣшилъ полную свободу торговли русскимъ купцамъ въ своей странѣ и оказываетъ имъ постоянно помощь и защиту. Онъ старается развить благосостояніе своей страны, проводить огромные арыки (иригаціонные каналы), построилъ превосходный, крытый базаръ въ Коканѣ и караванъ-сарай во всѣхъ значительныхъ городахъ ханства. Ханъ внимательно присматривается къ европейскимъ порядкамъ и старается усвоить себѣ нѣкоторые внѣшніе приемы европейской цивилизаціи. Онъ выписалъ изъ Россіи, для омеблированія нѣкоторыхъ комнатъ своего роскошнаго дворца,—зеркала, столы, кресла и другую мебель, завелъ экипажи (нѣсколько колясокъ), разные предметы роскоши, напр. столовые и стѣнные, весьма дорогіе часы, канделябры, люстры, и т. п. Эти по европейски убранныя комнаты дворца служатъ для приема посѣтителей иностранцевъ, т. е. русскихъ. Въ обыденной жизни своей ханъ конечно не отрѣшился еще отъ своихъ азіатскихъ обычаевъ и привычекъ, чего, разумѣется, невозможно и требовать отъ него. Въ послѣднее время ханъ устроилъ у себя полную и снабженную весьма хорошими инстру-

ментами фотографію. Другая фотографія устроена старшимъ сыномъ хана, Насыръ-Этдинъ-бекомъ (ханъ Заде) въ Андижанѣ, городѣ ввѣренномъ его управленію. По указанію русскихъ промышленниковъ, ханъ началъ также разрабатывать богатые нефтяные источники въ своемъ ханствѣ—и теперь улицы Ташкента освѣщаются коканскимъ керосиномъ.

Дворецъ хана, представленный на рисункѣ нашемъ, составляетъ одно изъ лучшихъ зданій Кокана, вообще обильнаго роскошными постройками, въ восточномъ стилѣ. Дворецъ этотъ весьма обширенъ и обнесенъ двумя стѣнами. Рисунокъ нашъ изображаетъ первые, главные ворота ханскаго дворца (см. стр. 285).

ЛЮБОВЬ ЦАРИЦЫ.

Историческая повѣсть А. Брахфогеля.

I.

Вскорѣ послѣ битвы при Филиппахъ, гдѣ Брутъ и Кассій, мечтавшіе отстоять въ Римѣ республику, заплатились за свои грезы полнымъ пораженіемъ своихъ войскъ и личною гибелью, — Маркъ Антоній, триумвиръ и одинъ изъ ихъ побѣдителей, основалъ свое мѣстопробываніе въ Тарсѣ, въ Малой Азіи. Онъ былъ одинъ изъ трехъ подѣлившихъ между собою римскій міръ, наслѣдіе Цезаря.

Октавіанъ сталъ владыкой Италіи; Лепидъ получилъ Испанію и Африку; Антонію достался Востокъ, наиболѣе дивная треть этого міра. То была львиная доля добычи—но на гибель ему. Желѣзное сердце растаяло подъ знойнымъ небомъ, — и тотъ голосъ что гремѣлъ надъ израненнымъ тѣломъ умершвѣннаго Цезаря, воспламеняя поголовно духъ мщенія во всемъ народѣ римскомъ, теперь едва уловимо и томно звучалъ среди разнѣживающей обстановки чувственной жизни.

Далеко не охотно переселившись въ Тарсъ и не будучи вѣнчанымъ властителемъ, онъ тѣмъ не менѣе окружилъ себя дворомъ, затмѣвавшимъ роскошью всѣ царскіе. Повелители Востока стекались сюда толлою, повергая къ ногамъ триумвира дары и знаки покорности; а онъ, откинувшись на подушкахъ золотого трона и полусомкнувъ вѣки, выслушивалъ ихъ. Гордость цѣлаго Рима витала на челѣ его. Едва удостоивая взгляда нагроможденных у ногъ его сокровища, играя кистями тоги, онъ легкимъ наклоненіемъ головы принималъ присягу. А они, уходя, разносили въ отдаленнѣйшіе предѣлы славу равнаго богамъ всемилостивѣйшаго повелителя. Да, равнаго богамъ! Въ Аеинахъ, гдѣ онъ провелъ послѣдній годъ, его именovali Діонисомъ (Вакхомъ) и рой вакханокъ окружалъ его плясками, когда онъ, увѣнчанный виноградомъ, съ леопардовой кожей на плечахъ, короталъ въ пирахъ аттичскія ночи. Онъ всегда любилъ Аеины. Тамъ, во всей силѣ еще неискаженной красоты, сказывался возвышенный духъ Фидія въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ памятникѣ. Тамъ улыбки аеинянокъ еще вѣяли чарующей прелестью и граціей, унаслѣдованной отъ Аспазіи. Но докучливыя дѣла правленія звали его на востокъ. Досадуя, простился онъ съ колонадами Минервина града и отплылъ на кораблѣ въ Тарсъ.

Этотъ городъ лежалъ на южномъ берегу Малой Азіи, неподалеку отъ моря, нѣсколько выше устья рѣки Кидна. Онъ былъ основанъ въ глубокой сѣдой древности Сарда-напаломъ, послѣднимъ царемъ вавилонскимъ, который оставилъ по себѣ не только улицы, дворцы и храмы, но и превосходный совѣтъ гражданамъ:

Уливайтесь, пируйте, любите —
Остальное не стоитъ труда

Не мудрено угадать, что царь, основавшій городъ единственно ради такого классическаго завѣщанія обывателямъ, конечно не пустыню выбралъ мѣстомъ его построения.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Киднъ шумно струилъ свои свѣтлыя волны къ близкому устью. На полночь высились горы, преграждая доступъ холоднымъ дуновеніямъ сѣвера. Къ югу разстидалось море—чудное, тихое кипренское море. Воды его были такъ же прозрачны, какъ въ тѣ времена, когда изъ лона ихъ возникла Венера Анадіомене (водою-рожденная). По отлогимъ склонамъ береговъ обильно произрастала виноградная лоза; померанцовыя деревья толпились тѣнистыми чашами; розы выглядывали въ разсѣлинахъ скалъ и напоили воздухъ благоуханіями вѣчной весны. Майскія ночи оглашались звонкой соловьиною трелью изъ cadaго куста—и кроткій, пригожій народъ въ мечтательной задумчивости внималъ этимъ брачнымъ напѣвамъ.

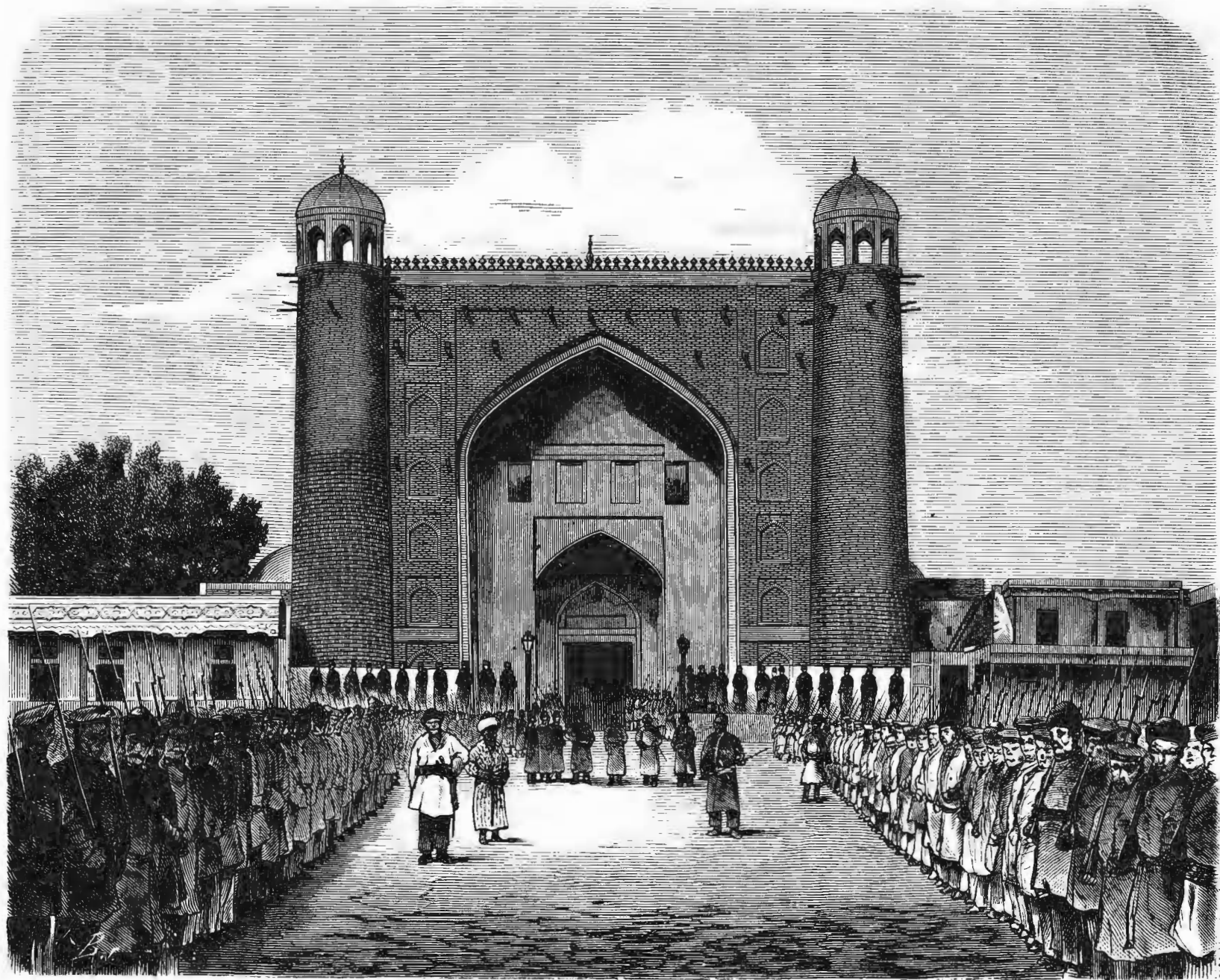
Въ этомъ-то миломъ но тихомъ Тарсѣ основалъ свое мѣстопробываніе великій триумвиръ Маркъ Антоній. И пока Октавіанъ втайнѣ питалъ честолюбивѣйшіе замыслы, забирая мало по-малу въ свои руки всю власть надъ Римомъ, — пока Лепидъ былъ въ походѣ на варваровъ, — онъ, сильнѣйшій изъ трехъ, нѣжилъ свое тѣло, натертое благовонными мазями, на ложѣ восточной лѣни. Красивѣйшіе изъ его рабовъ пѣли ему стихи Анакреона, красивѣйшія изъ рабынь тѣшили его сладострастными круговыми плясками. По временамъ, какъ уже сказано, принималъ онъ царственныхъ данниковъ или производилъ смотры своихъ легионовъ, — но ничто не помогало. Повелитель Востока скучалъ.

Имъ овладѣвала смертная скука.

Ему ничего не стоило начать любую войну и приковать цѣпями цѣлые народы къ триумфальной колесницѣ побѣдителя. Отдавъ своимъ когортамъ *хлбъ* уже покоренныхъ провинцій, онъ могъ бы доставить имъ и *зрѣлища* новыхъ завоеваній.

Но сладострастѣе аеинскихъ ночей и любовный шопотъ этого изнѣженнаго города—шутя обезоружили мощную длань, поднимавшую филиппинскій мечъ, и совлекли съ широкой груди панцырь, носимый при Мутинѣ. Антоній жаждалъ флейтъ Эллады, грохотъ азіатскихъ тимпановъ былъ ему противенъ. Какое-то гнетущее затишье овладѣло имъ, — обезсиливашее, томительное затишье, какъ тѣ, что наступаютъ передъ сильнѣйшими грозами.

Впрочемъ онъ-бы давно уже снялъ свой лагерь и вернулся въ излюбленную Грецію, еслибъ его не удерживалъ въ Тарсѣ нѣкоторый долгъ, своего рода гордость. Въ числѣ властителей, вытребованныхъ имъ туда на судъ, была и Клеопатра египетская, послѣдняя царица изъ дома Птолемеевъ. Она одна еще не поспѣшила заявить свою покорность—и брови триумвира мрачно хмурились, когда въ его присутствіи упоминали о Египтѣ. Самъ онъ, разумѣется, былъ слишкомъ гордъ, чтобы проронить хоть слово досады или удивленія касательно отсутствія этой да-ницы, удивившей нѣкогда волшебными сѣтями великаго

Дворецъ Худояръ-Хана Коканскаго. Съ фотографіи капитана Кривцова рис. Волковскій, грав. Вейерманъ.

№ 34

1873

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 августа 1873 года.

Годъ IV.

ПОДПИСКА НА „НИВУ“ ВЪ 1873 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1873 году №№ «Нивы».

Годовой экземпляръ „НИВЫ“ состоитъ изъ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	4 р. — к.
„ съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „ — „
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга	4 „ 50 „
„ Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію	5 р. 50 к.

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	2 р. — к.
„ съ доставкой на домъ по городской почтѣ	2 „ 50 „
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, и А. Лангъ	2 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	3 „ — „

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. напечатаны 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Юаннъ III и Аристотель Фюравенти.

Была пора на Руси, не тѣмъ будь поминута, злая пора—безвременье татарское. Ордынцы, грубые, кичливые, чванились и гордились, ломались надъ русскимъ человѣкомъ,—а москвичи, Великаго Князя Ивана Данилыча, на словахъ ласковаго, тѣхъ злодѣевъ ордынцевъ ублажали, да честили, да потакали ихъ непорядкамъ, себя выставляя преданными слугами великаго хана, что и самъ недоросъ еще какъ ему по человѣчески ѣсть-пить, жить да поживать. Пережила Русь эту тяжкую пору; оперилась Москва съ татарскою помощью, на татарскую же бѣду, и доконала ордынцевъ въ бою богатырскомъ на Непрядвѣ-рѣкѣ, въ Рождество Богородицы. Миновали за тѣмъ три князя великіе, Дмитрій да два Василия—и уродился отъ втораго изъ нихъ, слѣпца отъ руки братней, что Темнымъ прозывается, талантливый разумный сынъ, какого дотоль на Москвѣ николи не чуяли,—Тимофей во крещеніи, Иванъ Васильичъ въ народной памяти. Оставилъ ему батка свою шапку золотую да столъ Московскій да волости черныя двадцатиднолѣтнему. И удали таковской, какъ потомъ показалъ Иванъ Васильевичъ, въ тѣ поры ждать

отъ него никому и на умъ не впадало; а грозень—сударь—и разумень и доходчивъ до всего, и пронигатель сильно и зорко глядячъ, и хитерь, и важно-гордъ, а паче всего разумомъ преобилень оказался Великій Князь, не въ примѣръ отцу, ни дѣду его. Все бы ему отобрать подъ свою руку, да укрѣпить, да расчистить, да обстроить, да доходъ собрать вдесятеро. Да все-бы онъ узналъ: гдѣ что и какъ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Какъ тамъ кораблики по морю плаваютъ, гдѣ что берутъ-получаютъ, почему берутъ лихву себѣ съ какаго товара, да какъ добывается, нельзя и намъ промислить того самого товару. Обыскивать велѣлъ, чѣмъ наша московская земля отъ Бога надѣлена—не токма по наружъ—и внутри что ни есть: не растутъ-ли золото красное съ чистымъ серебромъ, да не въ домекъ земскимъ людямъ подбирать его съ земли; топчуть незнамо, бродяги, какъ зря, съ увальцемъ. Нѣмцы, народъ хитрый, вѣры папешской, въ тѣ поры самыми что ни есть хватами слыли и на Москву наѣзжали купецкимъ дѣломъ, нарова въ индѣйское царство, да въ Хину некрещенную, да къ простякамъ кызылбанамъ.

спросила она, стараясь не глядеть на Артура.—Я полагала, что насчетъ этого мы уже давно покончили, именно еще тогда, когда въ первый разъ объяснились какъ слѣдуетъ...

— Заговорилъ я потому, что, если я не ошибаюсь, мнѣ кажется ты нѣсколько заблуждаешься, а именно: ты думаешь, что я имѣю наитреніе вѣчно держать тебя въ этихъ узахъ... Но, вѣрь мнѣ, оковы эти гнетутъ меня такъ же, какъ и тебя...

Холодомъ вѣяло отъ этихъ словъ, но Евгенія, не смотря на это, быстро взглянула на мужа, и—увы, ничего ей не удалось прочесть на его лицѣ!.. Въ самомъ дѣлѣ, почему Артуръ всегда полускрывалъ глаза свои, какъ только замѣчалъ, что она старалась пытливе заглянуть въ нихъ?... Быть можетъ, эти глаза не хотѣли обнаружить настоящаго отвѣта,—даже, пожалуй, не боялись ли они этого?...

— Ты говоришь о жизни... врозь?...

тяжесть эта намъ не по силамъ... Если мы во-время не-избавимся отъ нея, то оба погибнемъ.

Рука молодой женщины, опиравшаяся на стволъ дерева, слегка задрожала...

— Я не погублю, сказала она совершенно твердымъ голосомъ,— я не такъ легко падаю подъ тяжестью, если разъ рѣшилась нести ее; но, говоря откровенно, я никакъ не думала, что для тебя совместная жизнь была-бы мукой...

Каріе глаза Артура сверкнули... Въ нихъ опять блеснула та же молнія, которая по-временамъ вспыхивала и исчезала безслѣдно; и вотъ они снова сдѣлались вялыми, безжизненными, когда онъ, послѣ небольшой паузы, сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, ты этого не думала? да?... Впрочемъ, пожалуй, это такъ: что я могу чувствовать, никому дѣла нѣтъ до того... Если я и коснулся этого, то единственно для твоего успо-

Продавецъ кирпичей въ Средней Азіи.

Съ фотографическаго снимка капитана Кривцова, рисов. и грав. Крыжановскій.

— А развѣ ты полагаешь, что намъ возможно быть вмѣстѣ?... Могу-ли я думать объ иной жизни послѣ тѣхъ, чувствъ... высокого уваженія въ моей особѣ, которыя ты прямо заявила въ первый же вечеръ?

Евгенія молчала, умолкъ и Артуръ...

Темно-зеленыя вѣтви ели, шурша въ воздухѣ, съ шумомъ раскачивались надъ ними; голоса, раздававшіеся въ гудящемъ лѣсу и желавшіе, какъ казалось, примирить двухъ молодыхъ людей, помѣшать имъ произнести послѣднее, рѣшительное слово разлуки, готовое сорваться съ языка, все ближе и ближе, громче и громче начинали звучать около нихъ, потому что ни Артуръ ни Евгенія не хотѣли, какъ видно, вслушаться въ эти странные звуки и понять ихъ смыслъ...

— Мы не настолько свободны, чтобы поступать, не обращая вниманія ни на что, продолжалъ Артуръ спокойнымъ тономъ,— и твой отецъ и мой—оба пользуются слишкомъ большою известностью въ своемъ кругу, а бракъ нашъ получилъ такую громкую огласку, что расторгнуть его теперь—нельзя: это значило-бы дать неисчерпаемый источникъ, богатый матеріалъ столичнымъ сплетнямъ съ скандальнымъ букетомъ, въ которыхъ мы явились-бы смѣльными героями!... Люди, женившись, вѣдь не расходятся черезъ двадцать четыре часа—такъ себѣ, безъ всякой видимой причины; не расходятся и по прошествіи недѣли, а стараются по крайней мѣрѣ вытерпѣть годъ совместной жизни, приличія ради, чтобъ послѣ, разойдясь, имѣть право сказать: вотъ, молъ, не сошлись мы характерами,—чему и могутъ легко повѣрить. Да, я надѣялся, что мы могли-бы вытерпѣть годъ, но... какъ кажется,

коенія, то есть для того, чтобы ты знала, что мы разойдемся, какъ только позволятъ условія приличій. Быть можетъ, тогда ты не будешь такою блѣдной, какъ теперь, въ эти дни!... Ну, теперь ты начинаешь мнѣ вѣрить, узнавъ истинную правду, которую считала до сихъ поръ ложью? да, я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ интригахъ, которыя принудили тебя выйти за меня; я воображалъ, что ты отдала мнѣ руку добровольно!...

— Артуръ, я вѣрю тебѣ, тихо проговорила Евгенія,—да, теперь я вѣрю тебѣ!...

Артуръ улыбнулся, но какъ горька была эта улыбка! Онъ улыбался тому, что жена его впервые повѣрила ему—теперь, когда ему было уже все равно...

— А туманъ начинаетъ опадать, вдругъ повернулъ онъ разговоръ,—да и буря, кажется, поутихла. Этимъ слѣдуетъ воспользоваться и спуститься по тропинкѣ; въ долину намъ будетъ лучше, тамъ безопаснѣе, и мы въ нѣсколько минутъ доберемся до фермы, гдѣ, надѣюсь, достанемъ телѣжку. Хочешь идти за мной?...

Спускъ былъ порядкомъ крутъ, а тропинка довольно скользкая, но Артуру, казалось, сегодня вѣдунало вести себя совершенно наперекоръ своей натурѣ: онъ, увѣренно, твердо шагая, сталъ спускаться по тропинкѣ,—а Евгенія, между тѣмъ, въ тонкихъ ботинкахъ, въ платьѣ со шлейфомъ, да еще съ тяжелымъ плащомъ на плечахъ, едва подвигалась впередъ.

(Продолженіе: будетъ).

ПРОДАВЕЦЪ КИРПИЧЕЙ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Каждого, въѣзжающаго въ первый разъ въ азіатскій городъ, поражаетъ сѣрый, однообразный цвѣтъ городскихъ построекъ, заборовъ и домовъ туземцевъ. Все это слѣплено изъ глины, по-видимому наскоро, кое какъ,—а между тѣмъ азіатскіе города существуютъ цѣлыя тысячелѣтія, какъ напримѣръ: Самаркандъ, Ходжентъ, Ташкентъ. Разрушенное временемъ, образуется снова въ ту землю изъ которой возникло—и снова служитъ матеріаломъ для другой постройки.

Туземцы лѣпятъ свои сакли или просто изъ сырой, расмоченной арычной водою глины, или выдѣлываютъ комья изъ такой глины смѣшанной съ рубленною соломой; комья сушатся на воздухѣ, подъ жгучими лучами азіатскаго солнца. Или же выдѣлываются изъ глины, смѣшанной съ пескомъ и рѣзкой, сырцовые кирпичи, посредствомъ особой формы, съ которою весьма ловко обращается туземецъ-работникъ: онъ беретъ руками большой комъ сырой глины, бросаетъ его въ деревянную форму, мнетъ ногами и чрезъ минуту вываливаетъ изъ формы на какую нибудь ровную площадку уже готовый кирпичъ. Изъ такого сырцоваго кирпича построены лучшія дома туземцевъ въ азіатскомъ городѣ и всѣ дома русской части Ташкента. Проходя по улицамъ русскаго Ташкента, можно замѣтить въ разныхъ мѣстахъ сложенные правильно ряды кирпичей, сушащихся на солнцѣ. Это матеріалъ для задуманныхъ уже построекъ.

Приготавливаютъ въ Ташкентѣ и хорошій обожженный кирпичъ, такъ-называемый желѣзнякъ. На заводѣ г. Янчевскаго приготавливаются массы кирпича, весьма прочнаго; у самой цитадели

виднѣтся высокая труба кирпичнаго завода купца Федорова. Проѣзжайте темнымъ лѣтнимъ вечеромъ изъ садовъ, на р. Саларѣ, и вы конечно замѣтите, влѣво отъ дороги, при самомъ въѣздѣ въ городъ клубы густаго дыма, освѣщаемые краснымъ свѣтомъ ярко разгорѣвшагося пламени. Это также кирпичедѣльные заводы.

Туземцы-сарты также занимаются обжиганіемъ кирпича, особливо въ Бишъ-агачскомъ кварталѣ Ташкента. Но сартовскій кирпичъ достоинствомъ ниже русскаго и продается значительно дешевле. Онъ имѣетъ видъ плоскихъ квадратныхъ плитокъ, и употребляется преимущественно для настилки половъ въ менѣе богатыхъ русскихъ домахъ, гдѣ деревянный полъ считается уже роскошью. Сартовскій кирпичъ имѣетъ сѣровато-желтый видъ и довольно проченъ.

На базарѣ, въ толпѣ снующаго повсюду народа, можно встрѣтить зачастую сарта-продавца кирпича. Онъ навьючиваетъ свою тяжелую ношу на сину крѣпкаго, выносливаго ишака (осла) и медленно движется вслѣдъ за нимъ по базару, выжидая покупателя. Покушечки всегда находятоя.

Искусствомъ выжигать превосходный кирпичъ славятся китайцы. Въ разрушенныхъ городахъ Кульджинскаго ханства встрѣчаются массы превосходнаго твердаго и звенящаго, какъ фарфоръ, кирпича, чистаго сѣраго цвѣта. Изъ этого китайскаго кирпича, взятаго изъ разрушенныхъ домовъ Тургеня и Акъ-Кента, построены всѣ зданія Борохудзирскаго поселка, нѣкогда (до іюня 1871 года) нашего пограничнаго пункта съ Кульджемъ.

ГИБЕЛЬНОЕ ДѢЙСТВІЕ ПЫЛИ,

Статья Проф. К. Реклама.

Прекрасный островъ Филъ въ Верхнемъ Египтѣ по настоящее время поражаетъ красотой своихъ развалинъ, свидѣтельствующихъ о прелести и изысканствъ древне-египетскаго богослуженія. До сихъ поръ уставшій путникъ высаживается изъ своей нильской барки, на островъ, у широкаго крыльца величественнаго зданія, гдѣ въ былыя времена стекались тысячи жрецовъ и вѣрующихъ, ко времени перенесенія на близлежащій островъ изображенія священнаго Озириса. Скульптурныя украшенія храмовъ, цвѣтныя росписи на стѣнахъ и дверяхъ, сдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора, — все настолько сохранилось, что совсѣмъ не вѣрится, чтобы эти памятники искусства были произведеніями рукъ давнымъ-давно сошедшихъ въ могилу. Не смотря на то, что цвѣтныя изображенія, сдѣланныя водяными красками настолько непрочны, что ихъ легко смываетъ едва намоченной губкой, — здѣсь они до сихъ поръ отличаются свѣжестью тѣней и изысканствомъ отдѣлки; здѣсь до сихъ поръ блестятъ, какъ новыя, колонны и статуи изъ бѣлаго мрамора, между тѣмъ какъ произведшія ихъ руки уже тысячи лѣтъ назадъ превратились въ прахъ и пыль;—и все это оттого, что верхній Египетъ лежитъ между двумя пустынями, лишенными дождей. Ничего подобнаго не можетъ быть у насъ въ средней Германіи: дождь, снѣгъ и туманъ давно бы смыли и уничтожили бы всякій слѣдъ того, что въ Египтѣ осталось нетронутымъ въ теченіи многихъ тысячелѣтій! За примѣромъ не далеко ходить. Великолѣпный новый театръ въ Лейпцигѣ отстроенъ былъ въ январѣ 1868 года. Прелесть его архитектуры еще болѣе увеличивалась металлическою группой античныхъ изображеній, красовавшейся на фронтоны крыши. Бѣлый какъ снѣгъ блестялъ въ сіяніи солнца Аполлона, на самой вершинѣ фронтона. Бѣлый дѣвическій цвѣтъ бога музъ былъ прекраснымъ символомъ судьбы озаряемаго имъ новаго храма!

Пять лѣтъ всего прошло со времени окончательной отстройки лейпцигскаго театра; но кто посмотритъ теперь группу на фронтоны его, тотъ будетъ въ сильномъ недоумѣніи: стоитъ ли на вершинѣ Аполлонъ или *трубочистъ*! Отъ того, что называютъ бѣлымъ цвѣтомъ, не осталось въ цѣломъ театрѣ ни слѣда: все уже приняло въ лучшемъ случаѣ—сѣрый цвѣтъ.

Въ такомъ климатѣ, какъ въ Лейпцигѣ, ни одно произведение искусства не сохраняется такъ хорошо въ продолженіи какихъ нибудь двухъ, трехъ десятилѣтій, какъ сохраняются цѣлыя тысячелѣтія древніе памятники египетскаго искусства. И удивляются еще тому, что, не смотря на многія неблагоприятныя жизненные условія Египта или Греціи, жители этихъ странъ пользуются лучшимъ физическимъ здоровьемъ и представляютъ болѣе многочисленныя примѣры долговѣчности, нежели мы, цивилизованные европейцы, защищенные цѣлой бездной мѣръ и средствъ противъ вредныхъ климатическихъ вліяній. Не думаютъ ли, что все равно: дышать-ли воздухомъ чистымъ и не содержащимъ пыли, или такимъ, отъ котораго въ нѣсколько лѣтъ произведение скульптуры обезображивается до того, что его узнать нельзя?

Не лежатъ ли на обществѣ священныя обязанности заботиться о здоровьи и жизни цѣлыхъ милліоновъ людей, предотвращая, всѣми выработанными наукой средствами, пагубныя дѣйствія кли-

матическихъ и общественныхъ условій жизни,—а не смотрѣть споконно какъ гибнутъ люди, оставивъ все на произволъ судьбы?

Я сдѣлалъ такое длинное введеніе, имѣя въ виду доказать въ настоящемъ очеркѣ *губительное дѣйствіе пыли*, которую можно назвать «надземнымъ» врагомъ человечества въ такой же мѣрѣ, какъ въ предъидущей статьѣ называлъ *гнилостныя испаренія*, «подземныя» врагами. Кто, желая спастись отъ губительнаго вліянія послѣднихъ, открываетъ двери и окна, съ цѣлью произвести вентиляцію, или же выходитъ на улицу, съ цѣлью подышать *«свѣжимъ воздухомъ»* въ городѣ, наполненномъ пылью и копотью, — тотъ прямо попадаетъ, что называется: «изъ огня, да въ полымя». Болѣе того: не избѣгнувъ перваго, т. е. вреднаго дѣйствія «подземныхъ» ядовъ, онъ отдаетъ себя въ руки втораго (т. е. надземной пыли). Конечно, борьба съ такимъ надземнымъ врагомъ, какъ *пыль*, очень трудна, особенно въ тѣхъ городахъ, гдѣ численность народонаселенія изъ году въ годъ значительно увеличивается — какихъ нибудь 40 лѣтъ достаточно было для того, чтобы 30,000 населенія Лейпцига увеличилось до 100,000, не считая предмѣстій, съ которыми численность народонаселенія дойдетъ до 150,000! Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ быстромъ приращеніи населенія, въ такой же, если еще не болѣе, прогрессіи увеличились и вредныя условія жизни! Подобныхъ примѣровъ бездна: всякій, мало-мальски значительный городъ въ Европѣ имѣетъ ту же исторію развитія со всѣми послѣдствіями, различающимися развѣ только въ частности, — смотря по характеру мѣстности и занятію жителей. Многіе прекрасные города и мѣстечки, 40 лѣтъ тому назадъ утопавшіе въ роскошной зелени своихъ пахучихъ садовъ, славившіеся безукоризненною чистотой своихъ улицъ и дворовъ, влажнымъ воздухомъ, лишеннымъ всякихъ слѣдовъ пыли, — теперь, благодаря корыстолюбію и невѣжеству, лишены деревьевъ; на улицахъ грязь и всякія нечистоты, воздухъ зараженъ миазмами и смѣшанъ съ удушливою пылью и копотью. Напрасно закрываютъ глаза предъ угрожающей опасностью, которая становится тѣмъ сильнѣе, что противъ нея не принимаютъ ни какихъ мѣръ.

Взгляните же, наконецъ, врагу прямо въ глаза и вступите съ нимъ въ смѣлый бой—иначе вы погибнете!

Что прежде,—когда не знали употребленія каменнаго угля, какъ топлива,—въ домахъ было меньше копоти—это извѣстно всякому хозяину; каждая хозяйка знаетъ такъ же, что прежде всякаго рода пыльные метелки и щетки не играли вовсе такой важной роли въ домѣ, какъ теперь.

Откуда берется копоть—извѣстно; но откуда же берется *пыль* въ такомъ огромномъ количествѣ? этому вопросу я противопоставлю слѣдующіе: куда дѣвается все то, что мы изнашиваемъ отъ своихъ платьевъ и отъ своей обуви? Куда дѣается часть дерева или желѣза истоптанныхъ лѣстницъ? Куда дѣается желѣзо, которымъ обтянуты колеса вашихъ экипажей и которое такъ часто приходится возобновлять у кузнеца? Куда дѣваются со временемъ неровности мостовой? Почему приходится отъ времени покрывать шоссе новыми слоями щебня, для возобновленія первоначальной толщины его полотна? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ вотъ какой: надъ всѣмъ вещественнымъ въ при-